

«Моя мечта — профессиональная работа»

С популярным рок-музыкантом и композитором Андреем МИСИНЫМ беседует корреспондент «АиФ» Н. СОЛДАТЕНКОВ.

— Несмотря на ваш долгий путь в музыке (работа в различных группах, студийные записи), вы стали известны в стране лишь немногим более года назад.

— Да, и меня часто спрашивают: почему так поздно начал выступать? Писать музыку я начал очень давно. Просто тогда не считал нужным выносить ее на суд широкой аудитории. Ситуация переменялась, когда я случайно прочитал стихотворение Иммануила Звездонина «Чужой», которое во мне многое словно перевернуло.

— Вашу музыку иногда называют религиозной. Вы верите в Бога?

— Моя музыка к религии не имеет никакого отношения. Но я рад, что люди воспринимают ее по-разному. По-моему, принцип многомерности образов и идей и разделяет искусство на коммерческое и некоммерческое.

— То есть?

— Коммерческая музыка — это когда декларируют, что называется, «в лоб». Тебе пятнадцать лет, это период, когда любовь стоит на первом месте, — так вот на тебе «про любовь»! Да еще так, что не оставляют свободного пространства подумать, поразмышлять на эту тему, а подают примитивную схему.

Что же касается Бога... По-моему, у музыковеда Э. Курта было сказано: музыка — это отражение бесконечного. Так вот там, в бесконечности, и находится моя вера. Я за каждой религией признаю утверждение высоких нравственных начал. Но, относясь с большим уважением к верующим людям, сам не могу полностью отдаться вере, так как в этом случае появится аскетизм. А невозможность выйти за

какие-то рамки сильно закрепощает личность.

— Сегодня многие советские рок-музыканты стремятся выйти на западный рынок. Но пока никому не удалось добиться там успеха в достаточной мере.

— Потому что это чрезвычайно трудно. Чтобы чего-то достичь там, нужно писать супер-талантливую или оригинальную музыку. Поэтому-то люди из шоу-бизнеса и рванулись к нам пару лет назад, начали искать нечто нетрадиционное для них, новые идеи и т. д. И что им подсунули? Гребенщикова, «Кино», «Аукцион»? Но это же не музыка! Исключение — «Парк Горького». Но группа играет стандартный американский рок и поэтому оказалась не столь интересна. А то, что делают все остальные, — не музыка, а нечто между образом жизни — во многом вынужденным — и точным расчетом. «Фирма» же

ждали другого, и, как следствие, сейчас они к нашей современной музыке несколько охладели.

— А вы сами делали попытки заинтересовать Запад своей музыкой?

— В принципе, я имею ряд предложений работы за рубежом — начиная от кооперативов и кончая государственными организациями и западными менеджерами. Но я-то знаю, что это в большинстве случаев значит: либо «отмывание» чьих-то денег, либо просто поездки за рубеж и выступления неизвестно зачем и за что. Все это нечестно. Моя мечта — работа с высокими профессионалами, которые знают, как записывать музыку, подобную той, что я пишу, у которых нет проблем с аппаратурой, «эффектами» и прочим. Признаюсь, сейчас я не вижу никакой перспективы. И если появится подходящий контракт, то уеду из страны. Понимаете, мне много не надо: только услышать, как может звучать моя музыка. И работать, запершись в студии. Именно в студии, ведь я не артист, который не может жить без сцены. Гастроли для меня — это вынужденная мера, чтобы содержать семью.

— Кстати, некоторые уверяют вас в том, что вы работаете под фонограмму.

— Я из тех людей, которые привыкли работать честно. Но дело в том, что мою музыку на сцене воспроизвести невозможно — ни один из наших так называемых эстрадно-симфонических оркестров так не сыграет. И приходится работать одному под фонограмму, когда «живым» остается только голос и иногда акустическая гитара.